

Н. Н. Глубоковскій,

(1863 - 1937)

ординарный профессор Императорской С.-Петербургской Духовной Академии.

34.53.5.752a

Православіе по его существу.

Священной памяти Высокопреосвященнаго Антонія (Вадковскаго), митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Первенствующаго Члена Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода, † 1912, XI, 2 (пятница).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.

1914.

Кн. 1396382

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
И. В. Савинкина

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе», 1914 г., № 1.

ЭНЕРГ. БОЛ. ОУ. А. 2092

Православіе по его существу *).

ВОПРОСЪ о томъ, что такое «православіе» по своему существу, не имѣеть догматически утвержденнаго отвѣта и по своей всеобъемлемости допускаеть многообразныя освѣщенія, а относительно инославнаго Запада, кажется, не рискуя неделикатностію, можно утверждать, что тамъ наименѣе знаютъ его, если оно и считается древнѣйшимъ христіанскимъ исповѣданіемъ. Посему умѣстно для православнаго богослова, какъ частнаго лица, разъясненіе даннаго предмета по существенному содержанію и для устраненія предубѣжденій, которыхъ слишкомъ достаточно въ этой области повсюду, особенно же на Западѣ. О богослуженіи, гдѣ проявляется жизнь вѣрующихъ по общенію во Христѣ Иисусѣ, либеральный протестантизмъ устами известнаго профессора Адольфа Гарнака (въ «Das Wesen des Christentums») высказалъ, что тутъ происходитъ лишь простое бормотаніе (murmeln) стереотипныхъ возгласовъ и молитвъ. Другіе видятъ въ православіи своеобразный католическій ритуализмъ, между тѣмъ католики упорно подозрѣвають, что православные совсѣмъ не почитаютъ Богоматери даже наряду со святыми. Православная доктрина сводится къ неподвижному сохраненію разныхъ традиціонныхъ догматическихъ фор-

*) Трактатъ этотъ писанъ спеціально для американскаго журнала „The Constructive Quarterly“, edited by Silas McVee, и помѣщенъ тамъ (Vol. I, No. 2: June 1913, p. 282—305) въ англійскомъ переводѣ маг. бог., профессора Королевской Коллеги въ Лондонѣ Николая Васильевича Орлова, а здѣсь печатается лишь съ незначительнымъ измѣненіемъ въ началѣ и съ добавленіемъ одного примѣчанія.— Спб. 1913, XII, 1—воскресенье.

муль, символовъ и вѣроопредѣлений, не получившихъ раціональнаго раскрытія и имѣющихъ развѣ подражательную схоластическую обработку, а на практикѣ яко бы господствуетъ суевѣріе чуть не во всѣхъ слояхъ. Частныя учрежденія не менѣе перетолковываются,—и мы доселѣ слышимъ (отъ Rev. T. A. Lacey, Marriage in Church and State, London 1912), будто покатолически бракъ въ православіи перасторжимъ и разводъ допускается только по диспенсаціи, такъ что новый брачный союзъ разведенныхъ фактически бываеъ собственно двоебрачіемъ. Церковное устройство рисуется либо папистическимъ іерократизмомъ (въ греческой Константинопольской церкви), либо явнымъ цезаризмомъ съ деспотіей свѣтской власти (чрезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода въ Россіи). Усиленію подобныхъ недоразумѣній и извращеній въ послѣднее время много способствовала религіозная пропаганда графа Л. Толстого. О немъ на Западѣ склонны думать, что—положительно или отрицательно—это былъ продуктъ русскаго православія, о которомъ и судятъ соотвѣтственнымъ образомъ. При этомъ ему усвоили все худшее въ толстовствѣ, подчеркивая для лучшихъ его сторонъ, что православіе, какъ такое, само отвергло ихъ, отлучивъ отъ Церкви графа Толстого. Фактически все здѣсь невѣрно,—и православные справедливо могутъ примѣнить къ Толстому слова св. Іоанна Богослова (1 посланіе II, 19) въ такой вариациі, что онъ «не отъ насъ вышелъ и не былъ нашъ», ибо не зналъ православія въ исторіи и дѣйствительности и не пережилъ его внутреннимъ проникновеніемъ и сердечнымъ подчиненіемъ, а свои религіозныя исканія питалъ грубо-популярнымъ критическимъ либерализмомъ и обосновывалъ на началахъ автономическаго раціонализма. Всѣ стихіи у Толстого чужды православію и нимало не отражаютъ его. Однако въ аспектѣ толстовства и привыкли на Западѣ смотрѣть на православіе, относясь къ нему съ подозрѣніемъ или пренебреженіемъ, иногда же и съ прямымъ осужденіемъ, какъ царству религіознаго мрака и нетерпимой тиранніи.

I.

Описанное положеніе усугубляется тѣмъ, что по многимъ причинамъ оказывается для Запада крайне затруднительнымъ непосредственное изученіе православія, къ чему ничуть не привлекаетъ и плохая его репутація. Для ориентировки обыкновенно ищутъ — по западному масштабу — «православныхъ символическихъ книгъ», но съ этой точки зрѣнія православные догматическіе памятники слишкомъ растяжимы по своей догматической общности и не даютъ точныхъ опредѣленій самой природы православія.

Послѣднее не имѣетъ выработанныхъ и санкціонированныхъ формулъ, выражающихъ его отличительную сущность въ себѣ самомъ и по сравненію съ другими христіанскими исповѣданіями. Поэтому принимаются и утилизируются для характеристики православія разныя ходячія сентенціи, употребляемые и иногда защищаемыя также и самими православными. На дѣлѣ этимъ вносятся новыя недоразумѣнія, гдѣ внутреннее подавляется виѣшнимъ и искажается отъ подобнаго наслія.

Таково наиболѣе распространенное убѣжденіе, что православіе есть извѣстная націоналистическая форма христіанства, которое получаетъ въ немъ и національное ограниченіе и націоналистическую исключительность, когда, замыкаясь въ рамки своей національности, усвоетъ ей особыя права пріоритетнаго обладанія и необходимаго посредничества въ полученіи и раздаяніи христіанскихъ благъ. Опорой для этого пониманія служатъ общепринятая — даже у православныхъ — названія «Греко-Восточное православіе», или «Восточная Греко-Россійская Церковь». Здѣсь эпитеты отмѣчаютъ отличительныя свойства предмета, и о немъ пріобрѣтается такое сужденіе, что православіе представляетъ нѣчто «греко-восточное» или «восточно греко-россійское». А безспорно, что въ этой ком-

бинаціи націоналистическій моментъ оказывается если не единственнымъ, то доминирующимъ.

И нельзя отрицать, что для данного возрѣнія отыскиваются историческія оправданія и фактическія подкрѣпленія. Греческая Византійско-Константинопольская церковь имѣетъ величайшія заслуги, что преемственно сохранила православіе во всей типичности и спасла его отъ уничтоженія и поглощенія. Ей мы обязаны, что среди тяжелыхъ и страшныхъ историческихъ превратностей православіе не погибло подъ гнетомъ мусульманства и не поддавалось напору инославной пропаганды—особенно со стороны католичества, издавна и усиленно стремящагося къ полному владычеству на Востокъ. Греческій націонализмъ исторически слился съ православіемъ и ограждалъ его самымъ своимъ самосохраненіемъ, въ свою очередь находя въ немъ духовный базисъ для своей самобытности. Православіе и эллинизмъ объединились въ тѣсной взаимности, почему первое стало квалифицироваться вторымъ. И христіанскій эллинизмъ осуществлялъ и развивалъ этотъ союзъ именно въ націоналистическомъ духѣ. Религіозный моментъ являлся факторомъ національных стремленій, соподчинялся имъ и вовсе не у однихъ фанариотовъ обращался на служеніе панэллинистическихъ мечтаній. Послѣднія глубоко вплетались въ религіозно-православную стихію и сообщали ей свой колоритъ, надѣливъ достоинствомъ и правами «этнарха» для всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока именно Византійскаго патріарха, который почитался живымъ и одушевленнымъ образомъ Христа (Матоей Властарь XIV вѣка въ «Синтагмѣ» π 8). Въ результатъ получалось, что все духовно-христіанское превосходство принадлежитъ эллинизму и можетъ другими лишь вторично восприниматься отъ него. Для православія это значило, что оно всецѣло содержится въ эллинизмѣ и имъ распределяется подъ его господствомъ и контролемъ. Въ этомъ отношеніи просвѣщенный Григорій Византійскій (Βυζαντινός или Византійскій, по мѣсту рожденія въ Константинополѣ, съ 1860 г. митрополитъ Хіосскій, † Ираклійскимъ въ 1888 г.) категорически свидѣтельствовалъ, что «миссія эллинизма—божественная и всемірная». Отсюда исконныя и непрекращающіяся притязанія на исключительное верховенство въ православіи собственно эллинизма, какъ его обладателя и раздаятеля. По словамъ перваго отвѣта (отъ мая 1576 г.) Тюбингенскимъ богословамъ Константинопольскаго патріарха Іереміи II († 1595 г.), говорив-

шаго въ качествѣ «преемника (διδάχος) Христа» (введеніе),— греческая «святая церковь Божія есть мать церквей, и, по благодати Божіей, первенствуетъ въ знаніи, неукоризненно хвалится чистотою апостольскихъ и отеческихъ постановленій, и, будучи новѣ, стара по православію и поставлена во главу», почему «и всякая христіанская церковь должна священнодѣйствовать литургію такъ же, какъ и она», церковь Греческо-Константинопольская (глава 13 sub fin.). Въ Константинополѣ всегда обнаруживали тенденціи къ церковному абсолютизму въ православіи и вовсе не благоволили развитію національно-автономныхъ церквей, не легко признавая ихъ даже при іерархическомъ равенствѣ. Въ восточныхъ патріархатахъ Византійско-Константинопольскій эллинизмъ пимало не способствуетъ національно-христіанской самобытности и всячески отстаиваетъ свою правительственно-іерархическую гегемонію, борясь противъ національной независимости Дамаска (Антіохія) и Іерусалима. Въ Константинополѣ далеко не съ полною охотою согласились (въ концѣ XVI в.) на самостоятельность Русской церкви и не совсѣмъ помирились съ автокефаліей Элладской (съ половины XIX в.), а по отношенію къ Болгарской церкви простерли націоналистическую нетерпимость до церковнаго разрыва, объявивъ ее (въ 1872 г.)—во всемъ объемѣ—«подъ схизмою». Достоинно великаго удивленія, что поборники крайняго націонализма въ церковной сферѣ тогда же (въ 1872 г.) признали у другихъ недозволительными національно-церковныя стремленія и даже провозгласили ихъ новоизмышленною ересью подъ именемъ «филетизма»!...

Въ обрисованномъ самыми общими штрихами видѣ націонализмъ эллинскій почти прямо покрываетъ православіе, при чемъ послѣднее и будетъ какъ бы націоналистическимъ исповѣданіемъ. Православіе представляется націоналистическимъ въ качествѣ исповѣданія восточнаго или—частнѣе—греко-россійскаго. Но описанное явленіе есть чисто историческое и обусловленное:— оно не исчерпываетъ православія, а только приспособляетъ его къ извѣстнымъ національно-историческимъ формамъ. Этимъ свидѣтельствуется, что по существу своему православіе выше всякихъ внѣшнихъ комбинацій, хотя не уничтожаетъ ихъ насильственно, но одухотворяетъ и преобразуетъ внутренно. Это всегда и громко провозглашалъ даже самъ византійско-церковный эллинизмъ, потому что свое церковное владычество принципиально оправдывалъ обязательною

попечительностію о добромъ устроєніи и нормальномъ развитіи помѣстныхъ національныхъ церквей. Константинопольская патріархія, глава которой со временъ Іоанна IV Постника (582—595 гг.) носить титулъ «вселенскаго» (οἰκουµενικός), въ пользу своего верховенства ссылается прямо лишь на свою материнскую заботливость о младшихъ сестрахъ и юныхъ дщеряхъ, не выдвигая напередъ своихъ націоналистическихъ прерогативъ, хотя бы послѣднія фактически и господствовали по преимуществу или всецѣло. Православіе проникаетъ и вдохновляетъ христіанскій эллинизмъ, но вовсе не принадлежитъ ему на началахъ собственности съ исключительными правами. Поэтому и другіе православныя народы не видѣли тамъ нерасторжимаго союза, гдѣ обѣ стороны неразрывны и страдаютъ совмѣстно въ одинаковой степени. Такъ, по случаю исправленія славянскихъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ образцамъ, старые церковные русскіе люди, образовавшіе потомъ «расколъ», не стѣснялись (въ XVIII вѣкѣ) твердить, что у грековъ православіе «поиспатель» и стало «нестрымъ»; но много послѣ (въ 40-хъ годахъ XIX в.) именно у нихъ искали себѣ архипастыря для образованія своей «Бѣлокрилицкой іерархіи».

Выводъ теперь ясенъ, что по своей природѣ православіе не покрывается націонализмомъ и не срастается съ нимъ. Оно превышаетъ націоналистическія обособленія и, водворяясь среди нихъ, бываетъ примиряющею стихіей. Въ этомъ направленіи развивается новое воззрѣніе, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ немъ конецъ далеко ушелъ отъ своего начала. Идейнными творцами и лучшими выразителями этого міросозерцанія въ православной Россіи были такъ называемые «славянофилы». Горячіе, искренніе и просвѣщенные поборники всецѣлой русской самобытности,—они въ настоящемъ случаѣ отирались отъ доктринъ Гегеліанской философіи о господствѣ антиномическаго раздвоенія, объединяемаго въ третьемъ принципѣ. И если этотъ законъ дѣйствуетъ во всемірной исторіи вообще, то его вліяніе обязательно и въ сферѣ религіозно-христіанской. Съ этой точки зрѣнія освѣщается далѣе и все положеніе христіанства. Нѣчто основное, покоряя народы, постепенно дифференцируется націоналистически, пока на Западѣ не слагается окончательно въ двѣ грандіозныя христіанскія группы—католичества и протестантства. Тутъ два взаимно отрицающіе и противодѣйствующіе полюса; въ которыхъ цѣ-

лостное христіанство преломляется въ націоналистическихъ формахъ и раздвояется соответственно типическому развитію ихъ. Этотъ раздоръ противоборства вызывается не самымъ единымъ предметомъ, а узко-націоналистическимъ его воспріятіемъ и потому не можетъ оставаться непримиреннымъ, такъ какъ иначе пришлось бы признать двойственность въ самомъ основоположительномъ факторѣ, чего абсолютно не допускается уже по всесовершенной божественности христіанства. Для аптиноміи католичества и протестантства—объединяющимъ и поглощающимъ ихъ объявляется именно православіе. Въ этомъ своемъ достоинствѣ оно должно бы мыслиться безнаціональнымъ или сверхнациональнымъ. Такъ это и есть по идеѣ. Однако тогда православіе будетъ чистою отвлеченностію, между тѣмъ въ исторіи создаютъ и движутъ лишь конкретныя силы. Посему и православіе можетъ быть историческимъ факторомъ только въ опредѣленномъ конкретномъ воплощеніи, но такое всегда, вездѣ и непремѣнно бываетъ національнымъ, осуществляясь въ извѣстномъ народѣ, который служитъ носителемъ его духа и распространителемъ его дѣйствія. Нація оказывается вмѣстительницею православія по всему содержанию. Въ «Окружномъ посланіи единой, святой, соборной (каоолической) и апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ», изданномъ при Константинопольскомъ патріархѣ Анеимѣ VI-мъ въ маѣ 1848 г. (въ отвѣтъ на энциклику папы Пія IX отъ 6 января 1848 г. съ обращеніемъ къ восточнымъ христіанамъ) и принятомъ въ Россіи, прямо говорится (въ §-фѣ 17) отъ имени православія, что «хранитель благочестія (*ὁπερασπιστὴς τῆς θρησκείας*) у насъ есть тѣло Церкви, т. е. самый народъ». Но послѣдній для выполненія подобной миссіи долженъ быть не механическимъ конгломератомъ, готовымъ распасться, а цѣлостнымъ комплексомъ съ заправляющимъ центромъ и объединяющимъ главою. Православіе входитъ здѣсь въ союзъ съ національнымъ царствомъ и утверждается на немъ. Отсюда старинная русская формула, что первый Римъ измѣнилъ, второй или новый (Константинополь) палъ, но имъ наследовала третій—Москва, четвертому же не бывать. Царство немислимо безъ царя, который ограждаетъ и символизируетъ его по всѣмъ сторонамъ, включая, конечно, и православіе. Такъ было въ Византіи, гдѣ императоры фактически являлись насадителями и стражами правовѣрія, а принципиально усвоили божественное происхожденіе и церковно-

іерархическое достоинство самой своей власти. То же истинно и для Россіи. Здѣсь — по «Духовному Регламенту», нормирующему церковное устройство отъ Петра В. съ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, и по Основнымъ законамъ (статья 42)— «Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочінія». При Павлѣ I (1796—1801 г.г.) даже обнаруживались нѣкоторыя притязанія на церковное главенство для Императора. Единеніе тутъ самое тѣсное, ибо выковано историческою жизнію и спаялось въ ней до монолитности:—Церковь православная исторически создала православнаго царя въ Россіи и обезпечила ему единовластительство, а царь патронировалъ и оберегалъ ее, доставляя внутреннее господство и вѣдшее величіе. Православіе сливалось съ народомъ въ самодержавномъ Помазанникѣ. Такъ въ результатѣ всего процесса на почвѣ славянофильскихъ идеалистическихъ концепцій вырасталъ и на практикѣ сложился болѣе конкретный тезисъ, исповѣдуемый многими доселѣ. Это—знаменитая тріада: «Православіе, Самодержавіе и Народность».

Въ этой формулѣ доминирующимъ являются религіозный моментъ, который проникаетъ оба другіе, ибо религіозно санкціонируетъ и дѣлаетъ неприкосновенною свѣтскую власть, сообщая націи вселенское предназначеніе въ ея православно-христіанской миссіи по всей землѣ. Тѣмъ не менѣе православіе по самому своему вліянію фактически посредствуется національностью и вспомоцествуется свѣтскимъ властительствомъ. Конечно, это фактически примѣнимо къ православію въ его историческомъ положеніи, какъ вѣрно для католичества и протестантства, если первое носить ясный отпечатокъ латинства въ романской своей природѣ и фізіономіи, а о второмъ свидѣлствуется (у † Eduard von Hartmann), что оно въ «германствѣ» (Germanentum) даже превосходитъ само христіанство. Но столь интимныя сближенія всегда грозятъ отождествленіемъ. Неотразимый примѣръ сему у всѣхъ предъ глазами въ позднѣйшемъ іудействѣ, гдѣ націонализмъ до того возобладавъ въ самой религіи, что здѣсь сначала надо (кровно) пріобщиться къ народу іудейскому (черезъ обрѣзаніе), чтобы потомъ соучаствовать въ его вѣрѣ и обѣтованіяхъ. Нѣчто подобное неотрицаемо и для вышеуказанной тріады, хотя никогда не выражалось исторически во всемъ масштабѣ и съ совершенною типич-

ческого отчетливостію. Въ ней народность не уравнивается безъ остатка съ православіемъ, но все-же служить опорой и вмѣстительницей послѣдняго, почему оно дѣйствуетъ и воспринимается подъ формами ея. Здѣсь очевидно націоналистическое ограниченіе, которое тѣмъ рѣзче и тѣснѣе, что православіе по преимуществу связывается съ однимъ типомъ государственнаго устройства,—и въ данномъ направленіи еще недавно дѣлались въ Россіи авторитетныя, научно-іерархическія попытки догматическаго оправданія на основаніи истины Пресвятой Троицы, хотя другіе базировались на этомъ въ пользу ограниченной монархіи и даже народовласти. Во всякомъ случаѣ разсматриваемыя доктрины или разрѣшались теоретическою отвлеченностію, или впадали въ узкую націонализацию. Первое отличалось совершенною расплывчивостію и не представляло самаго нужнаго, ибо лишь говорило о православіи, но не показывало и не опредѣляло его въ качествѣ конкретной жизненной силы. Второе грѣшило обратнымъ, что выдвигало только извѣстное фактическое обнаруженіе и заслоняло или искажало натуральную сущность, втискивая ее въ національныя рамки. Ни тамъ, ни тутъ не достигалось главнѣйшаго, чтобы выяснитъ въ православіи его внутреннюю, эссенціальную природу, которая проявляется «многочастно и многообразно», никогда не измѣняясь въ своей глубинѣ и не исчерпываясь въ своей полнотѣ. Въ замѣнъ сего предлагалось собственно простое описаніе историческихъ картинъ пониманія или примѣненія православія, но совсѣмъ не оказывалось опредѣленія его, какъ такового.

Сюда относится и третья формула. Она наиболѣе поверхностна, однако требуетъ упоминанія по ея популярности и распространенности, хотя послѣднія пріобрѣтаются собственно примитивностію ея. Разумѣемъ ходячую сентенцію, что православіе есть золотая середина или царскій путь между католичествомъ и протестантствомъ. Нѣтъ нужды аргументировать, что этотъ тезисъ не годится даже съ чисто внѣшней стороны, ибо по сравненію съ примиряемыми крайностями необходимо долженъ быть позднѣйшимъ самъ посредствующій для нихъ моментъ, между тѣмъ онъ почитается и обязательно мыслится раннѣйшимъ и независимымъ, а здѣсь и возникаетъ единственно важный вопросъ: что же такое было православіе тогда—безъ соотношенія съ этими несуществовавшими противоположностями? Если въ данной формулѣ предлагается наглядно-сравни-

тельная характеристика православія, то она ведетъ къ обезличенію его и, пожалуй, къ уничтоженію. Попробуемъ отнять у католичества все, что отрицаетъ въ немъ протестанство, произведя у этого всё католическія вычитанія,—и въ итогъ у насъ почти ничего не останется на долю православія. Выидеть, что послѣднее потому и не раздѣляетъ этихъ конфессіональныхъ крайностей, что не имѣетъ собственнаго содержанія, обращаясь въ безпредметную фикцію. Но идейно и фактически православіе претендуетъ на автономную независимость,—и потому въ немъ непременно должна быть доктринальная самобытность, обезпечивающая ему стличительную самостоятельность.

II.

По предшествующему обзору очевидно, что православие въ равной мѣрѣ превышаетъ и рамки всякаго историческаго націонализма и особенности всѣхъ конфессіональных разновидностей. По этимъ свойствамъ кажется, что, находясь внѣ историческаго движенія реальной жизни и конкретной мысли, православие будетъ какою-то крайнею отвлеченностію, близкою къ эфемерности. Но фактически оно всегда заявляетъ и выступаетъ живою стихіей въ христіанскомъ историческомъ процессѣ, гдѣ всегда дѣйствуетъ созидающимъ образомъ, не исчерпываясь конкретными формами національнаго воплощенія и конфессіональнаго опознанія. Это совсѣмъ не идеальная, а всецѣло реальная сила, которая функционируетъ съ самаго возникновенія христіанскаго развитія, держитъ его собою и служитъ животворнымъ регуляторомъ послѣдовательнаго процесса. Никакая иная точка зрѣнія непримѣнима кромѣ той, что православие чувствуетъ себя и представляется живымъ и жизненнымъ началомъ со строгою индивидуальностію. Теперь и надо найти характеристическія черты этой послѣдней. Но въ общемъ описаніи содержатся всѣ данныя для частныхъ опредѣленій.

Прежде всего, православие безусловно независимо отъ всѣхъ исторически-національных осуществленій, а—наоборотъ—эти питаются и живутъ имъ, нисколько его не истощая и только предуготовляя основу для лучшихъ и болѣе широкихъ примѣненій. Православие съ этой стороны есть неисчерпаемая христіанская энергія, идущая изъ первоначала съ непрерывностію и никогда не измѣнявшая себя и не ослабѣвавшая. Ясно, что по этимъ своимъ качествамъ оно сливается съ самимъ христіанствомъ, какъ благодатно-божественнымъ жизненнымъ факторомъ. Но въ міровой исторіи христіанское теченіе постепенно раздѣлялось на множество ручейковъ, иногда настолько отдалявшихся взаимно, что они совершенно забывали

о своемъ общемъ источникѣ. Всѣмъ этимъ обособленіямъ православіе противопоставляетъ себя въ достоинствѣ центрального единства, цѣлостнаго въ своемъ существѣ и непреложнаго при всѣхъ историческихъ порипетіяхъ.

Этотъ контрастъ съ христіанскими исповѣданіями рѣшительно утверждаетъ, что въ нихъ имѣются лишь частныя отраженія христіанства, между тѣмъ православіе усвоетъ себѣ всю его полноту по бытію и по содержанію. Однако и въ первомъ случаѣ частичное воспріятіе почитается историческимъ воплощеніемъ цѣлаго и фактически реализуетъ его. Естественно, что тутъ цѣлое принижается до частнаго и оцѣнивается по этой узкой мѣркѣ, совсѣмъ ему не тождественной. Цѣлое не захватывается во всю широту, но постигается въ частичной ограниченности и по тому самому рисуется несоотвѣтственно своему натуральному величію, или неправильно въ объективномъ отношеніи. Предметъ открывается только въ части своей и, поглощаясь въ ней, обнаруживается односторонне и невѣрно. Это есть пониманіе «не—правое» по его частичности, которая необходимо бываетъ ограниченіемъ и даже искаженіемъ цѣлаго, когда старается замѣнять его, являясь въ извѣстный историческій моментъ единственнымъ фактическимъ представителемъ всей христіанской цѣлокупности. Наоборотъ, православіе хочетъ быть полнымъ откровеніемъ христіанства, чтобы послѣднее выражалось въ немъ адекватно и—значить—правильно. Въ этомъ смыслѣ православіе есть «правое» исповѣданіе—*ὄρθο—δοξία*—потому, что воспроизводитъ въ себѣ весь разумѣемый объектъ, само видитъ и другимъ показываетъ его въ «правильномъ мнѣніи» по всему предметному богатству и со всѣми особенностями. Православіе удовлетворяетъ своей «правой» нормѣ именно тѣмъ, что совпадаетъ по всему объему со своимъ предметомъ, какъ онъ данъ фактически и существуетъ независимо. Но таковымъ является подлинное и первоначальное христіанство Господа Спасителя и Его Апостоловъ,—и православіе по преемству сохраняетъ и вмѣщаетъ его, при-мѣняя и раскрывая среди разныхъ историческихъ условій.

Такъ получаемъ, что по своему внутреннему упованію православіе мыслить себя христіанствомъ въ его изначальной полнотѣ и неповрежденной цѣлостности. Оно принципиально разграничивается отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій не какъ истина отъ заблужденій, а собственно въ качествѣ цѣлаго по сравненію съ частями. Послѣднія уже выдѣляются изъ него и

для оправданія и обезпеченія своей автономіи вынуждаются настаивать на прямомъ обособленіи съ рѣзкимъ отгѣненіемъ своихъ отличительныхъ свойствъ и такой несродности, которая исключаетъ смѣшеніе и передачу. По самой своей цѣлостности православіе не чувствуетъ къ сему внутренней надобности, ибо носить въ себѣ всѣ части и не имѣетъ ни нужды, ни желанія дифференцироваться отъ нихъ. Въ томъ и специальная его природа, что православіе все въ себѣ содержитъ и внѣдряется до тѣснаго гармоническаго единства всѣхъ органовъ церковнаго тѣла. Тогда для него бываетъ нормальною лишь функція внутренняго сплоченія всѣхъ частей съ господствомъ претворяющей центростремительности и съ подавленіемъ всякихъ уклоненій и отпадений. Тутъ нѣтъ субъективной расчлененности, а потому не находится ея и субъективно, или въ самомъ вѣроисповѣдномъ самоопредѣленіи. Съ этой точки зрѣнія въ православіи натуральны собственно вѣроизложенія общаго характера съ откровеніемъ своего подлиннаго апостольскаго содержанія, по ничуть не съ раздробленіемъ въ немъ разныхъ элементовъ. Вѣдь цѣлому никогда и нигдѣ не могутъ противостоять и противопоставляться извѣстныя части,—и подобная адвересативность мыслима только среди нихъ самихъ, или со стороны ихъ по отношенію къ цѣлому. Онѣ расходятся между собою именно по своей частичности и для оправданія самаго выдѣленія изъ цѣлаго типически обособляются отъ него. Въ контрасть сему цѣлое не имѣетъ ни малѣйшей причины и внутренней потребности нарочито различать себя отъ частей—по самой непосредственной очевидности этого факта для всѣхъ зрячихъ. Цѣлое искони было прежде частей и всегда остается больше ихъ, для чего не нужно никакихъ доказательствъ, которыхъ—естественно—и не дается по собственной инициативѣ ради своего самоопредѣленія.

Въ данномъ свойствѣ заключается источникъ своеобразнаго явленія, недостаточно понятаго и оцѣненнаго въ западномъ инославіи. Последнее ищетъ точныхъ «символическихъ книгъ» у православія и даже старается помочь ему собраніемъ и изданіемъ таковыхъ. Но въ этомъ кроется большое недоразумѣніе, которое практически переходитъ уже въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ православіе не имѣетъ «символическихъ книгъ» въ техническомъ смыслѣ, и всякія рѣчи этого рода ведутся лишь крайне условно и приспособительно къ конфессіональнымъ западнымъ схемамъ вопреки природѣ и

исторіи православія. Оно почитаетъ себя правымъ или подлиннымъ ученіемъ Христовымъ во всей первоначальности и неповрежденности, а тогда—какая же можетъ быть у него особая отличительная доктрина кромѣ Евангельско-Христовой? И сама Церковь православная доселѣ не употребляетъ специальныхъ «символическихъ книгъ», довольствуясь общими традиціонными документами вѣроопредительнаго характера. Это мы видимъ при архіерейскомъ посвященіи, гдѣ хиротонисуемый во свидѣтельство своего правовѣрія прочитываетъ только древнѣйшіе символы. Но еще рѣшительнѣе и рельефнѣе эта черта обнаруживается въ «чинѣ православія», поныгѣ совершаемомъ на литургіи въ кафедральныхъ соборахъ въ «недѣлю православія» (ἡ χορηγία или ἡ εὐρηγία τῆς Ὀρθοδοξίας), т. е. въ первое воскресенье великаго поста, въ память «торжества православія» (19 февраля 842 г.) при императрицѣ Византійской Θεодорѣ (842—845 гг.). При этомъ священнослуженіи лишь отвергаются и осуждаются ложныя еретическія мнѣнія— съ молитвою объ обращеніи и спасеніи заблуждающихся грѣшниковъ, а исповѣданіемъ вѣры православной бываетъ древнецерковное вѣроизложеніе. «Послѣдованіе спасительному откровенію» Божію выражается здѣсь общепринятымъ «Никоо-Цареградскимъ» символомъ, и именно по отношенію къ нему громкогласно возглашается: «сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди». Далѣе прибавляется: «Еще же соборы святыхъ Отець, и ихъ преданія и писанія Божественному откровенію согласная приемлемъ и утверждаемъ... Якоже убо плѣняющихъ разумъ свой въ послушаніе Божественному откровенію и подвизающихся за оное ублажаемъ и восхваляемъ: тако противящихся сей истинѣ, аще ожидавшему ихъ обращенія и раскаянія Господу не раскаяшася, Священному Писанію послѣдующе, и первенствующія Церкви преданія держачеся, отлучаемъ и анаѳематствуемъ».

Православіе апеллируетъ къ старымъ исконно христіанскимъ нормамъ и не указываетъ для себя особыхъ «символическихъ книгъ», потому что не имѣетъ ничего символически новаго въ догматическомъ отношеніи по сравненію съ эпохою до заключенія семи вселенскихъ соборовъ. Этимъ показывается, что православіе сохраняетъ и продолжаетъ изначальное апостольское христіанство по непосредственному и непрерывному преемству. Въ историческомъ теченіи христіанства

по вселенной это есть центральный поток, идущий от самого «источника воды живой» и не уклоняющийся на всем своем протяжении до скончания мира. Здесь корень и объяснение всех других принципиальных свойств православия. Если в нем исповедуется достоинство подлинного христианства по соответствию своему оригиналу, то данное качество производится и обезпечивается тем, что всегда удерживается тѣснѣйшая неразрывность от послѣдняго—съ освобожденіемъ ему собственнаго дѣйствія, которое и образуетъ православіе въ его историческомъ бытіи. Исконное христианство въ православіи почерпается, доставляется и гарантируется путемъ преемственнаго воспріятія, когда новое пріобрѣтаетъ авторитетъ христіанской изначальности, а она въ самой своей старинѣ обнаруживаетъ непрестанную обновляющую живительность. Матеріальное совершенство сочетается съ формальнымъ принципомъ традиціонной преемственности, которая способствуетъ тому, что историческое движеніе православія на всехъ стадіяхъ соприкасается со своимъ основоположительнымъ началомъ.

Итакъ,—по его внутреннему сознанию и убѣжденію,—православіе является подлиннымъ апостольскимъ христіанствомъ по прямому наслѣдованію, хотя бы въ опредѣленныхъ историческихъ формахъ, какихъ—въ духѣ своей эпохи и условій—не чужды были и первохристіанскія времена. Но по этой сторонѣ, — обезличиваясь совпаденіемъ съ первохристіанствомъ,—православіе, повидимому, не разнится отъ другихъ вѣроисповѣданій и нѣкоторыхъ новѣйшихъ научно-богословскихъ теченій, иногда даже явно раціоналистическихъ. Въ католичество самымъ своимъ именемъ (отъ καθολικός) говоритъ о своемъ божественномъ универсализмѣ, свойственномъ Евангелію Христову. А протестантство мотивировалось при возникновеніи и гордится доселѣ собственно тѣмъ, что, усматривая въ католицизмѣ несомнѣнные искаженія первоапостольскаго христіанства, хотѣло возвратиться именно къ послѣднему и устранить всѣ позднѣйшія наслоенія и побочныя уклоненія. По своей идеѣ протестантизмъ долженъ бы быть и представляться возстановленіемъ изначальнаго, подлиннаго христіанства противъ католическихъ извращеній его. Къ тому же собственно направлялось и англиканство путемъ протестантскаго своего обновленія въ католичество, принципиально связавъ свою судьбу съ протестантизмомъ. И если не всеми

англиканами признается успѣшность этой попытки, то и у этихъ скептиковъ не теряется одинаковая движущая цѣль, которая проникаетъ ихъ критику и вдохновляетъ стремленія. Нѣтъ надобности распространяться объ этомъ, ибо всѣмъ извѣстно, сколь часто, громко и энергично раздавались въ англиканствѣ рѣшительные призывы: «назадъ ко Христу» (Back to Jesus!), хотя бы и чрезъ трупъ Апостола Павла (From Paul!). Протестантская наука давно и усердно культивируетъ эту идею, стараясь рачительно отыскать подлинное христіанство и возвратить къ нему религиозное вниманіе, которое, будто бы, вездѣ омрачено туманомъ церковно-историческихъ модификацій и приращеній.

Всюду проповѣдуются возобновленіе и воспріятіе истиннаго первохристіанства въ его подлинной цѣлостности. Это повидимому воплнѣ сходно съ самоопредѣленіемъ православія, но скрываетъ глубочайшее различіе. Ничуть не для критики, здѣсь неумѣстной и намъ совсѣмъ не любезной, а просто для выясненія дѣла позволимъ себѣ напомнить, что протестантство родилось при активномъ пособіи научнаго знанія и могущественно способствовало его грандіозному прогрессу. Научное западное богословіе является порожденіемъ протестантизма и потому можетъ служить для него самую наглядную характеристикой. И вотъ въ этомъ отношеніи существенно важно, что протестантская рачіональная наука ни во всей современной церковности, ни въ предшествующемъ церковно-историческомъ развитіи не находитъ болѣе или менѣе точныхъ воплощеній первоначальнаго христіанства. Оно, яко бы, сразу гдѣ-то затерялось и никогда не имѣло адекватнаго выраженія. Въ историческомъ процессѣ имѣются лишь фрагментарные осколки съ неполными и нечистыми преломленіями подлинныхъ христіанскихъ лучей. Предъ нами оказываются только разрозненные христіанскіе матеріалы, по которымъ и надо возсоздать изначальное цѣлое. Понятно, что для сего требуется работа научно-рачіональнаго творчества, чтобы по туманнымъ очертаніямъ черезъ тьму вѣковъ разглядѣть подлинный ликъ Христовъ и зарисовать его съ реалистическою жизненностію. Для нашихъ цѣлей мы получаемъ отсюда, что здѣсь созидающимъ факторомъ бываетъ научный разумъ, дѣйствующій рачіональнымъ методомъ. И какъ далеко можно уйти по этому пути,—мы хорошо знаемъ по печальнымъ урокамъ новѣйшей протестантской критики. Въ своихъ крайнихъ фракціяхъ она не при-

нимають ни одного автентичнаго изображенія Господа Искупителя и все усваеють таинственному безличному процессу постепеннаго формировація христіанскихъ преданій, отлагавшихся въ новозавѣтныхъ книгахъ. Частныя индивидуальности не играли тутъ конститутивной роли и для дѣла вовсе ненужны, а наука, какъ и жизнь, не терпитъ ничего излишняго. Но — вѣрное для продолженія процесса—должно быть не менѣе справедливымъ и по отношенію къ началу, что для него столь же мало надобенъ индивидуальный факторъ, который пылѣ прямо устраняется повѣйшимъ «религіозно - историческимъ» знаніемъ отъ всякаго участія въ послѣдовательномъ развитіи, гдѣ дѣйствуютъ лишь общіе законы поступательнаго движенія съ дифференціаціями, переплетеніями, новообразованіями и т. п. Въ концѣ концовъ, при возникновеніи христіанства оказывается совершенная пустота, гдѣ нѣтъ ни Христа, ни Павла, ни Апостоловъ.

Этотъ выводъ, конечно, совсѣмъ не общепринятый въ протестантской наукѣ, но онъ вовсе и не является для нея чудовищнымъ, ибо представляетъ только крайнее примѣненіе основныхъ ея началъ. Тогда для насъ неотразимо, что въ нихъ принципомъ христіанской реставраціи полагается если не прямой раціонализмъ, то непременно чистая раціональность. А при такихъ условіяхъ для всѣхъ ясно безъ всякихъ аргументовъ, что здѣсь мы имѣемъ самый рѣзкій контрастъ православію. Оно рѣшительно и исключительно базируется на традиціонной преемственности непосредственнаго воспріятія и всецѣлаго сохраненія ¹⁾. По православному самосознанію, подлинное христіанство догматически принудительно само по себѣ, исторически же представляетъ нѣчто фактически данное и

¹⁾ Здѣсь уместно вспомнить слова извѣстнаго философа—профессора В. Н. Карпова († 1867, XII, 2), который по случаю пятидесятилѣтія С.-Петербургской Духовной Академіи свидѣтельствовалъ, что „она не сдѣлала ни шагу отъ сокровищницы богооткровеннаго ученія, что этотъ свѣтлыиикъ православной истины въ продолженіе пятидесятилѣтняго своего свѣтенія не сдвинуть съ мѣста никакою силою враждебныхъ идей сумудрія или иновѣрія, но твердо стоитъ на незыблемомъ камени исповѣданія своего. И въ настоящій день [—вторникъ 17 февраля 1859 г.—] Академія воздвизаетъ хоругвь торжества не во имя прогресса, а напротивъ—во имя неотступнаго своего пребыванія въ нѣдрѣхъ православной Церкви, на стражѣ апостольскихъ и отеческихъ вѣроопредѣленій“. См. въ сборникѣ: Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Духовной Академіи (Спб 1859), стр. 36.

реально дѣйствующее именно въ православіи. Но искомымъ не можетъ быть налично существующее. Его нечего открывать, а надо только сохранять въ священномъ благоговѣніи, обязательномъ для того, что явлено свыше отъ Бога черезъ Сына въ Духѣ Святомъ. Моментъ раціональности христіанства для православія бываетъ вторичнымъ, какъ разумное постиженіе и научное оправданіе факта, который можетъ быть непосилень для человѣческой ограниченности и по своей божественной сущности всегда останется для нея ирраціональнымъ (1 Кор. I, 18 слѣд. 27 сл. II, 11 сл., и мн. др.). Православіе исповѣдуетъ съ Апостоломъ Павломъ (2 Кор. IV, 13): *имуще той же духъ вѣры, по писанному* [Псал. СХV, 1]: *«вѣровахъ, тѣмъ же возлагалъхъ»* (ἐπίστευσα, διὸ ἐλάλησα): *и мы вѣруемъ, тѣмъ же и млаголемъ* (καὶ ἡμεῖς πιστεύομεν, διὸ καὶ λαλοῦμεν). Православіе есть лишь провозглашеніе истиннаго христіанства—воспріятіемъ его, а не обоснованіемъ,—вѣрою, а не разумомъ. Последній познаетъ именно вѣрой (Евр. XI, 3: *πίστει νοοῦμεν*) и въ самомъ раціональномъ постиженіи христіанства всецѣло подчиняется его фактическому верховенству, только стараясь осмыслить для себя своими недостаточными средствами.

Христіанство рисуется живою дѣйствительностію, независимою по бытію и свойствамъ отъ человѣческаго пониманія. Конечно, здѣсь тоже требуется доктринальная точность, но она создается дѣйствіемъ самого предмета и потому традиціонно передается вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Отсюда очевидно, что для православія христіанство является не ученіемъ, а жизнью таинственнаго общенія съ Богомъ во Христѣ и благодатнаго обновленія отъ Духа Святаго въ цѣлокупномъ братствѣ вѣрующихъ, когда всѣ они единеніемъ вѣры съ Сыномъ Божиимъ усыновляются въ Немъ Отцу Небесному и затѣмъ естественно бываютъ по благодати братьями между собою. Вотъ почему въ православіи доминируютъ благодатныя таинства, обнимая все человѣческое существованіе по всѣмъ сторонамъ. Они тутъ не виѣшній символъ, не ритуальный аксессуаръ, устроаемый, расширяемый и сокращаемый по усмотрѣнію, а необходимая стихія самой живительности христіанства, обезпечиваемая іерархическимъ священствомъ по прямому преемству отъ Господа Спасителя.

Но безспорно, что къ жизни нельзя реально примкнуть теоретическимъ зачисленіемъ чрезъ простое раціональное ея признапіе. Обязательно присоединиться фактическимъ погру-

женіємъ въ нее, какъ общеніе отдѣлившагося ручейка возста-
новляется лишь сліяніемъ съ центральнымъ потокомъ. Право-
славіе гарантируетъ себѣ подлинную изначальную христіан-
ственность преемственнымъ воспріятіемъ, обеспечивающимъ
непрерывное теченіе, и ни для кого не допускаетъ возмож-
ности иныхъ путей и связей. Рациональная реституція подлин-
наго христіанства принципиально неприемлема для правосла-
вія, которое въ самомъ корнѣ не согласно съ подобными пред-
посылками. Въ нихъ христіанство представляется преимуще-
ству доктриной, если и божественной, то все-таки больше
раціональной въ качествѣ особой религіозной концепціи, хотя
бы даже «богооткровенной». Въ этомъ у него совершенная
аналогія со всѣми другими религіозно-философскими школами
и ученіями. А по отношенію къ нимъ всячески допустимо,
что можно приходитъ къ сходнымъ выводамъ и созерцаніямъ
вполнѣ независимо, почему мыслимы, напр., пивагорейцы по
убѣжденіямъ, вовсе не знавшіе Пивагора и его системы по
изученію ихъ. Еще проще усвоить по книгамъ извѣстныя
религіозно-философскія воззрѣнія и стать исповѣдникомъ ихъ,
не будучи въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ съ самими твор-
цами. По существу такъ смотрятъ на христіанство и раціо-
нальный протестантизмъ и научный раціонализмъ, для которыхъ
не было бы страннымъ принять за христіанина, напр., по-
койнаго Лихунчапа, яко бы читавшаго Новый Завѣтъ, еслибы
этотъ «китайскій Бисмаркъ» припалъ послѣдній, но ограни-
чился теоретическимъ согласіемъ съ нимъ, не вступая въ фак-
тическое единеніе ни съ одною христіанскою церковію.

Православіе безусловно отвергаетъ этотъ методъ и въ самой
основѣ и въ смяченныхъ модификаціяхъ. Въ первомъ отно-
шеніи предполагается, что какой-нибудь язычникъ, изучивъ
новозавѣтныя книги, усвоилъ христіанскія истины и тѣмъ
самымъ сдѣлался бы настоящимъ христіаниномъ:—это и не-
избѣжно и нормально по раціоналистической логикѣ. Типомъ
второго рода былъ бы такой случай, что та или иная ерети-
ческая община отвергнетъ свои заблужденія и даннымъ актомъ
eo ipso возстановитъ свое истинно-христіанское достоинство.
Подобное явленіе опять же вѣроятно по раціоналистическимъ
взглядамъ и фактически достаточно иллюстрируется старока-
толичествомъ. Послѣднее, доказывая и свидѣтельствуя свою
вѣрность, догматамъ и канонамъ древней нераздѣльной Церкви
семи вселенскихъ соборовъ, желаетъ и домогается отъ право

славія прямого церковнаго признанія его помимо и внѣ присоединенія къ какой-нибудь изъ существующихъ православныхъ церквей. Предлагается и требуется по собственно воссоединенію, какое было, напр., въ 1898 г. въ Россіи съ сиро-халдейскими несторіанами (айсорами), присоединившимися въ С.-Петербургѣ (25 марта) въ лицѣ своего главы покойнаго епископа Супурганскаго Мар-Іоны, а лишь взаимообщеніе, столь несоотвѣтственно практикуемое на Западѣ (во всякихъ Intercommunion'ахъ). Доселѣ эти старокатолическія притязанія не имѣли успѣха и вполнѣ справедливо встрѣчали рѣшительный отказъ. И со стороны православія здѣсь не было и нѣтъ ни надменности, ни каприза, ибо это вызывается самымъ существомъ дѣла,—и старокатолики, добываясь совсѣмъ иного отношенія, обнаруживаютъ наглядно, что они пока не проникли жизненно въ глубину православія и не срослись съ нимъ по духу въ своемъ христіанскомъ настроеніи, которое продолжаетъ оставаться у нихъ раціонально-западнымъ. Немыслимо получить воду изъ недосыгаемаго источника, не обратившись къ текущей изъ него рѣкѣ, и безъ ея посредства нельзя войти въ единеніе съ нимъ. Православіе есть благодатно-христіанская жизнь,—и преимуществами послѣдней можно фактически воспользоваться совсѣмъ не теоретическимъ познаніемъ или отвлеченнымъ зачисленіемъ, а исключительно живымъ реальнымъ союзомъ, когда къ ней сначала примыкаютъ и потомъ уже почерпаютъ отсюда всѣ блага.

Необходимое бываетъ для всѣхъ равно обязательнымъ и ни для кого не служитъ къ господству или униженію. Въ этомъ отношеніи православіе предъявляетъ лишь свойственное его природѣ, которою и опредѣляются его отношенія ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ. По прямой апостольской преемственности оно представляется традиціонно-воспринятымъ и неповрежденно-храпимымъ христіанствомъ въ его изначальной жизненной цѣлостности. Конфессіональныя группы выдѣляютъ въ ней частныя стороны и развиваютъ систематически, но почерпаютъ свою силу именно въ производящемъ цѣломъ и взаимно сближаются между собою чрезъ него. Православіе ничуть не отрицаетъ у нихъ этой родственной связи съ собою и потому вовсе не покушается на ихъ христіанское достоинство. Его отличіе заключается не въ своеобразной обособленности, требующей приспособленія къ себѣ, а во всеобъемлющемъ существѣ, по которому оно, будучи христіански боже-

жественнымъ и универсальнымъ, бываетъ католическимъ (καθολικός) или вселенскимъ (οἰκουμενικός). По такимъ своимъ качествамъ православіе не вытѣсняетъ другія исповѣданія, захватывая у нихъ принадлежащія мѣста, но лишь срастворяетъ ихъ въ себѣ постольку, поскольку наравнѣ съ ними само поглощается въ божественномъ океанѣ возрождающей, спасающей и животворяющей благодати Христовой. Посему православіе, богатое подвигами апостольскаго миссіонерства, чуждо прозелитической пропаганды и никогда не было энергично-активнымъ на этомъ скользкомъ поприщѣ. Оно возвышалось надъ другими исповѣданіями не по надменію для подчиненія всѣхъ подъ ноги свои, а именно по присущему его природѣ сознанию отношенія основного цѣлаго къ производнымъ частямъ. Православіе призываетъ къ единству съ собою лишь ради своего единства со Христомъ въ преемственно сохраняемой, неповрежденно содержимой и благодатно дѣйствующей истинѣ божественной. И на его знамени сіяютъ одни эти святые слова:

«Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая,
сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди!»

С.-Петербургъ.
1913, III, 3 (16)—1 е воскресенье Великаго
поста, „Недѣля Православія“.

